

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

ДЕЛО ВАРНАВИНСКОГО
МАНЬЯКА

РОКОВЫЕ ЧИСЛА

ХРОНИКИ СЫСКА

МОСКОВСКИЙ АПОКАЛИПСИС

ВЫСТРЕЛ НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ

МЕРТВЫЙ ОСТРОВ

ЗАВЕЩАНИЕ АВВАКУМА

ПУЛЯ С КАВКАЗА

ОХОТА НА ЦАРЯ

ТУРКЕСТАН

УБИЙСТВО

ЦЕРЕМОНИЙМЕЙСТЕРА

УДАР В СЕРДЦЕ

ТЕМНЫЕ ВСАДНИКИ

ДОЗНАНИЕ В РИГЕ

Н И К О Л А Й
СВЕЧИН

Касьянов
гоу

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
С24

Художественное оформление
Петра Петрова

Свечин, Николай.

С24 Касьянов год / Николай Свечин. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с. — (Детектив Российской империи).

ISBN 978-5-04-089761-2

Действие романа происходит в 1900 году. Год високосный, в народе его не любят, считается, что он приносит несчастья. По святам 29 февраля — День святого Кассиана: по нему весь год называют Касьяновым. Вот и у Лыкова этот год не задался. По просьбе министра финансов Витте он отправляется в Киев. Зять Витте, Михаил Меринг, проводит рискованные аферы — он занимается жилищным строительством и, стараясь обмануть кредиторов, жульничает с залогами. Лыкову предстоит вывести его на чистую воду. Но в Киеве сыщика ждут сплошные неудачи. Дело осложняется тем, что начинают погибать люди, да и сам Лыков ходит по краю — на него разворачивается охота...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© Свечин Н., текст, 2017

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-04-089761-2

• 1 •

ЗЯТЬ ЛЮБИТ ВЗЯТЬ

Министр внутренних дел Сипягин вызвал к себе директора Департамента полиции Зволянско-го. Тот пришел с красными глазами: опять до трех часов утра вводил начальство в курс дел. Отношения двух сановников не складывались. Зволянский считал, что должность «затыкателя вулкана» (его выражение) нужно поручать человеку ответственно-му и способному к серьезной работе. Время суровое: того и гляди шарахнет... А Сипягин — ленивый барин, добродушный, даже чувствительный. Хороший семьянин, верующий человек и монархист, государь его любит. Но к труду не способен. Охотиться с ним хорошо или в винт играть, а вот служить трудно. Пока славный малый возглавлял Комиссию прошений, это было терпимо. Служба непыльная, устоев не обрушит. Но министр внутренних дел! — в тысяча девятисотом году! — Зволянский в душе негодовал. Сейчас ему приходилось ездить к министру каждый вечер и посвящать его в узкоспециальные

полицейские вопросы, а именно в самые важные дела карательного ведомства. Главного охранительного, от которого будущее империи зависит. После ночных бдений, окончательно одуревшие, собеседники расставались недовольные друг другом. Вот только обижаться на начальство — занятие бессмысленное и опасное. И Зволянский втайне начал подыскивать себе другое место. Обычно директоров департамента после отставки производили в сенаторы, с сохранением прежнего, весьма достойного жалованья. Плохо ли?

— Слушаю вас, Дмитрий Сергеевич, — почтительно произнес Зволянский, заходя в кабинет. — Что-то срочное?

— Как сказать, Сергей Эрастович, — пробурчал Сипягин, теребя седую бороду. — Вот, ознакомьтесь. Черт знает что происходит в Киеве... Совсем жиды распустились! Мне передал эту бумагу Витте.

Директор департамента взял протянутое письмо и пробежал его глазами. Некий Афонасопуло, оценщик Киевского частного коммерческого банка, сообщал следующее. В банке творится аферизм. Директор Михаил Меринг бездумно и необоснованно ссужает большими суммами Киевское акционерное домостроительное общество. Общество строит дома в центре города, на лучших участках. Руководит им все тот же Меринг. И получается, жулик кредитует сам себя. Он заставляет Афонасопуло кривить душой и завышать цену залога. В стоворе с Мерингом состоит архитектор Шлейфер. Он председатель правления в Городском кредитном обществе, тоже занимающемся ипотекой. И одновременно партнер

Меринга по строительству. Из двух банков деньги бесконтрольно утекают в авантюрные прожекты. Это все плохо кончится! В жилищном деле кризис, вновь выстроенные квартиры никто не купит. Вот-вот банки ждет банкротство. Афонасопуло писал губернатору и даже министру юстиции, но ни от кого не получил ответа.

— Дмитрий Сергеевич, а мы тут при чем? — возмутился действительный статский советник. — Пусть киевская сыскная разбирается. Дело мелкое, не нашего калибра. Еще Департаменту полиции не хватало дознавать аферы в Киеве!

Сипягин поморщился:

— И я бы так считал, Сергей Эрастович, если бы не одно обстоятельство. До Шлейфера нам дела нет. Но министр финансов не просто так обратился ко мне. Упомянутый здесь Меринг — его зять. Женат на приемной дочери Витте Софье, от первого брака покойной жены Сергея Юльевича. Хотя и приемная, а все-таки дочь! Он дал ей свою фамилию. А теперь, возможно, на нее — я имею в виду фамилию — ляжет пятно. Сергей Юльевич просит навести справки. Очень и очень осторожно.

Зволянский подобрался. Вот оно что... Тогда действительно от поручения не отвертеться. Министр финансов Витте — первый среди равных, самый влиятельный в правительстве человек. А Сипягин — директор это знал — был его приятелем.

— Теперь понятно, ваше высокопревосходительство. Но почему мы, сыщики? Проще было бы Витте послать в Киев одного из своих доверенных

лиц. Финансовые вопросы для полиции — темный лес...

— Он сначала так и сделал, — пояснил Сипягин. — Как только получил сигнал, телеграфировал своему приятелю, действительному статскому советнику Немешаеву...

— Финансисту?

— Нет. Клавдий Семенович Немешаев — управляющий Юго-Западными железными дорогами. Человек в Киеве всесильный, эдакий тамошний князек.

— И что приятель? Встретился с автором письма?

— А он не нашел Афонасопуло. Тот вдруг куда-то исчез, сразу после того, как Немешаев захотел с ним повидаться.

Зволянский насупился:

— Сбежал с перепугу, когда понял, что за клевету могут и спросить?

— Кто знает, — насупился в ответ министр. — Не было бы чего похуже...

— Что вы имеете в виду, Дмитрий Сергеевич? Надеюсь, не преступление?

— Меня смущает одно место. — Сипягин ткнул пальцем в бумагу: — Вот, обратите внимание. «А недавно Меринг заставил меня сделать такое, что тянет на каторжные работы». Представляете? И далее: «Доказательства у меня на руках, и я охотно представлю их вашему высокопревосходительству».

— Мало ли что скажешь для красного словца, — возразил Зволянский. — Хотел заинтриговать Вит-

те, вот и сболтнул. Что-то не помню случая, чтобы за строительные аферы кому-нибудь в империи давали каторгу.

— Как хотите, Сергей Эрастович, а надо разобраться. Витте попросил, я не могу ему отказать. Теперь, когда финансисту не с кем стало разговаривать, нужен сыщик. А это уже по нашему ведомству.

— Зять любит взять?

— Запросто! Разузнайте, что там в Киеве происходит, только осторожно.

— Осторожно — это как? — снова начал заводиться директор департамента.

— Ну так, чтобы не порочить имя Меринга раньше времени. Соберите сведения и передайте их через меня Сергею Юльевичу. А тот решит. В конце концов, денежные махинации относятся к Министерству финансов, ведь так?

— Да. Но дознание будут вести чины полиции, то есть ваши подчиненные.

Сипягин пожевал губами, подумал, потом решил:

— Пошлите туда верного человека. Пусть откроет секретное дознание по этому письму, от моего имени.

— Секретное от кого? — окончательно раздухался Зволянский. — От Меринга с этим... как его? Шлейфером? Или от киевского губернатора и местной полиции? Без помощи тамошних сил дознание невозможно. А как только им придется рассказать о секретном поручении, оно тут же станет общеизвестным. Там наверняка, как и повсюду в про-

винции, спайка. Любая тайна через день будет сплетней.

Министр крикнул в досаде:

— Это так. А тут еще скандальный Драгомиров. Если он узнает о секретном дознании, такой шум поднимет. Государю не задумаясь напишет!

Генерал-адъютант Драгомиров занимал сразу две высших должности в Юго-Западном крае. Он был командующим войсками Киевского военного округа и одновременно Киевским, Волынским и Подольским генерал-губернатором. Человек самобытный, герой Русско-турецкой войны и новатор военного дела. Сидит там, как эфиопский негус, карает и милует. Без его согласия тайные дела не начнешь. Вот рядовое дознание можно. Получил министр сигнал с места и послал человека разобраться.

— Согласен с вами, Сергей Эрастович. Пусть ваш чиновник едет с официальным поручением, и местные силы ему в помощь. Думаю, Афонасопуло все-таки сгустил краски. Умный ревизор быстро все поймет. Ну а если оценщик прав и там афера... Тогда и решим, вместе с Витте. Кого хотите послать?

— Надворного советника Лыкова, — не задумываясь, ответил Зволянский.

— Я еще плохо знаю кадры вашего департамента. Лыков — это тот, что поймал убийц читинского полицмейстера Сомова?

— Точно так, Дмитрий Сергеевич. Мой чиновник особых поручений. Согласно вашему распоряжению, он был послан дознавать возмутительное злодеяние. Дорога в оба конца заняла у Лыкова боль-

ше месяца, а само преступление он раскрыл в три дня! И вообще, надворный советник всегда находит виновных. До сих пор у него не было ни одной неудачи.

— Вот и хорошо, — поднялся министр. — Посылайте туда Лыкова и держите меня в курсе его дел. Сами понимаете, с Витте надо ладить. От него сметы нашего министерства зависят.

Зволянский вернулся к себе на Фонтанку, 16, и велел немедленно пригласить надворного советника. Тот явился.

— А скажи мне, Алексей Николаевич, бывал ли ты в Киеве?

— Дважды проездом, а что?

— И как находишь город?

— Сам город так себе, а окрестности выше всяких похвал. Красиво!

— Ну вот и славно. Собирайся, поедешь туда.

И директор рассказал о новом задании министра.

Лыков прочитал письмо неведомого оценщика и сказал:

— Странный сигнал. Афонасопуло написал банальности, а самое важное скрыл. Почему, как думаешь?

Наедине оба полицейских чиновника были на «ТЫ».

— Хочет лично повидаться с министром финансов, — предположил Зволянский. — Каторга! Насчет каторги он, конечно, загнул, но, видать, там что-то серьезное. Вот наш главный казначей и забеспокоился. Бойтся сплетен, ясное дело.

— Согласен, — кивнул сыщик. — Про Витте и так всякое говорят. Ему приходится быть святее папы римского. Но наш-то каков!

Директор скривился:

— Да уж. Ходит на помочах и рад не знай как. И все будто бы для пользы дела.

Лыков знал от директора, что их министр находится под сильным влиянием Витте. Того не любил государь, и хитрый делец использовал простодушного Сипягина в своих целях. В противовес Сергею Юльевичу император очень хорошо относился к Дмитрию Сергеевичу. И все благодаря его женитьбе. Будучи сорока одного года от роду, Сипягин обвенчался с сорокатрехлетней перезревшей девицей, княжной Вяземской. Ее, сестра, в свою очередь, стала женой Шереметева, того самого, знаменитого Сергея Дмитриевича. Этот человек был другом детства покойного государя и наставником нынешнего. Такое свойство быстро вывело заурядного бюрократа наверх. Из московских губернаторов он скакнул в товарищи министра и егермейстеры. Потом стал главноуправляющим Комиссии по принятию прошений, на Высочайшее имя приносимых. А это уже должность, когда ты на глазах у монарха. И через четыре года Сипягин возглавил важнейшее в системе управления империей министерство. Притом остался добрым малым с хитрецей, любителем вкусно поесть и поохотиться. Государственным мышлением не обладал, зато был настоящий московский барин.

— Наш... — Зволянский хотел сказать «дурак», но не решился и продолжил иначе: — ...патрон желает услужить Витте. Хотя при своих отношениях

с Его Величеством сам бы мог вить из казначея веревки. Так что езжай и разберись. Разыщи писателя и тряхни как следует. Кажется, это заурядный донос. Или рядовая афера, которая Департамента полиции никак не касается. Но замешаны такие люди... Киев — столица Юго-Западного края и вотчина Драгомирова, второго государева любимца. Будь осторожен, не наступи там на ногу кому не следует. Сипягин из-за мелкой шушеры, как мы с тобой, ни с кем ссориться не будет. Особенно если противник с титулом или хорошим поместьем.

— Я сам с хорошим поместьем! — обиделся Лыков.

Но действительный статский советник лишь крикнул и сказал сдержанно:

— Ну ты же понял, что я имею в виду...

— Как не понять.

— Тогда ступай. И не присылай мне, пожалуйста, оттуда плохих вестей. И без того грустно.

— Очень донимал? — сочувственно спросил на дворный советник.

— Еловая голова у нашего патрона, — не сдержался Зволянский. Он знал, что дальше Лыкова не уйдет. — В третьем часу ночи сегодня отпустил! Про Особый отдел так и не понял, придется заново разжевывать. Нет, уходить пора, уходить...

Алексей Николаевич впал в минорное настроение. Судьба чиновника его уровня зависела от служебных дрызг и интриг. С прежним министром Горемыкиным Зволянский жил душа в душу, и на дворный советник тянул лямку спокойно. Знал, что директор всегда прикроет. Но в декабре прошлого года Горемыкина задвинули в Государственный со-

вет. Сыщик Лыков сразу почувствовал изменения. Его начальник стал нервным и неуверенным. Конечно, такое случалось уже не раз. Лыков много повидал директоров Департамента полиции, Звялянский не первый и не последний. Но, поднимаясь в Табели о рангах, все труднее оставаться в стороне. Бывший нижегородец засиделся в надворных советниках. Документы на его производство в следующий чин были уже заготовлены. И тут неприятное поручение — вскрыть аферу, которую устроил зять всемогущего Витте. Самому бы уцелеть после такого дознания...

Подумав как следует, Лыков телефонировал в Военное министерство. Он решил перед отъездом познакомиться с бароном Таубе. Пусть расскажет другу, кто такой Драгомиров. «Хозяин» Киева может стать союзником или противником в опасном деле. Лучше бы союзником...

Виктор Рейнгольдович принял старого товарища после девяти. Он занимал теперь должность, в которой раньше состоял покойный Енгальчев — директор канцелярии ВУК¹. Должность была генеральская, но Таубе по-прежнему держали в полковниках. Дали казенную квартиру, и на том спасибо. И «на гуся»² выписывают, как генерал-майору... В их последнюю встречу на Пасху барон был не весел. Жаловался на Куропаткина, что загонял всех в министерстве пустяковыми поручениями. Полгода от

¹ ВУК — Военно-ученый комитет, структура в составе Военного министерства, которая занималась в том числе вопросами разведки. (Здесь и далее примеч. автора.)

² «На гуся» — наградные к Рождеству.

сутствует на месте, ездит по стране ради двойных прогонов. Берется за все сам, а потом бросает и не может отличить главного от второстепенного. Ну эдак-то по всей империи... Таубе жаловался устало и механически и намекал, что уйдет в строй. Знакомая песня. Если бы нашему брату да волю выбирать начальство...

— Что расскажешь? — спросил полковник, пожимая товарищу руку.

Тот сразу взял быка за рога:

— Меня посылают в Киев. С неприятным поручением. Даже, возможно, опасным.

— И что?

— Скажи, в какой мере я могу рассчитывать на помощь Драгомирова? В случае, ежели не дай бог...

— А что за поручение?

— Некто Меринг, председатель правления домо-строительного общества, якобы заигрался. Растащил деньги из банка, отдать не может, а лезет во все новые аферы...

— Обычная история, — прервал гостя Таубе. — Таких мильён, что же тут опасного?

— Этот Меринг женат на дочери Витте. Приемной, но тем не менее...

Барон присвистнул.

— Витте? Убийца русской армии? Тут Михаил Иванович ему спуска не даст, за все отыграется.

— Погоди, Виктор. Давай сначала про Драгомирова, а потом про убийство армии.

— Давай. Итак, генерал-адъютант, генерал от инфантерии Михаил Иванович Драгомиров. В этом